

В.Д. Попков

«КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ» РУССКОЯЗЫЧНЫХ МИГРАНТОВ В ГЕРМАНИИ: ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ ВЫХОДЦЕВ ИЗ БЫВШЕГО СССР

Статья базируется на эмпирическом исследовании, проведенном в Германии в 2005–2006 гг. при поддержке Фонда Александра фон Гумбольдта. В фокусе исследовательского интереса мигранты, прибывшие в Германию по программам контингентных беженцев (Kontingentflüchtlinge) и поздних переселенцев (Spätaussiedler) из бывшего Советского Союза (и ныне независимых стран, возникших на его территории) после начала перестройки. Для проведения исследования использовалась качественная методология с опорой на феноменологию Альфреда Шюца. Всего в вышеуказанных группах было проведено 42 тематически-центрированных интервью.

Цель статьи — описать особенности идентичности русскоязычных групп в Германии, показав общие черты двух групп, которые составляют основу «русскоязычного пространства» Германии. Принадлежность к «русскоязычному пространству» подразумевала не только знание русского языка и культуры, но и социализацию и инкультурацию в бывшем Советском Союзе. Предполагалось, что данные ценности и поведенческие нормы не исчезли с распадом СССР, а продолжают транслироваться мигрантами из СССР в местах их настоящего проживания.

***Ключевые слова:** русскоязычное пространство в Германии; «русские немцы», «русские евреи», культурная идентичность, культурная память.*

1. Вводные замечания. Методы исследования

В основе данной статьи лежит исследование, проведенное в Мюнхене в 2005–2006 гг. при поддержке Фонда Александра фон Гумбольдта.

Попков Вячеслав Дмитриевич — доктор социологических наук, профессор кафедры социальной и организационной психологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского (v-831p@yandex.ru).

В фокусе исследовательского интереса находились мигранты, прибывшие в Германию по программам контингентных беженцев (Kontingentflüchtlinge) и поздних переселенцев (Spätaussiedler) из бывшего Советского Союза (и ныне независимых стран, возникших на его территории) в начале 90-х гг. прошлого столетия. В официальном дискурсе данные группы чаще фигурируют в качестве «русских евреев» и «русских немцев» соответственно, поскольку в основе специальных миграционных программ приема германского государства (а также ряда других государств) лежит процедура, предполагающая документальное подтверждение соответствующей этничности. В этом случае речь идет о «привилегированной возвращенческой миграции», а данные группы мигрантов часто обозначаются как «этнически привилегированные» мигранты (Voutira 2006: 399).

Для проведения исследования использовалась качественная методология с опорой на феноменологию Альфреда Шюца (Шюц 2004). Всего в вышеуказанных группах было проведено 42 тематически-центрированных интервью, из них 19 в группе «поздних переселенцев» и 23 в группе «контингентных беженцев». Исследовательский интерес вызывала прежде всего та часть группы русскоязычных мигрантов, представители которой приехали в Германию уже после перестройки. Поэтому важным условием отбора респондентов был возраст: к моменту проведения полевой части исследования (2005–2006 гг.) они не должны были быть моложе 45–50 лет. Это связано с тем, что ко времени прихода к власти Михаила Горбачева и начала перестройки члены этой группы уже должны были иметь опыт повседневных взаимодействий в советском обществе. Таким образом, в исследовании участвовали только те представители группы русскоязычных мигрантов, которые имели *личный опыт социалистической повседневности* и основные этапы социализации которых прошли в Советском Союзе.

В данной статье ставилась цель показать особенности идентичности русскоязычных групп в Германии. Основная гипотеза заключается в том, что этничность (в нашем случае — принадлежность к немцам или евреям), которая служит самым важным основанием для приема мигрантов в Германии, не является определяющим фактором в процессе формирования идентичностей групп русскоязычных в Германии. В этом отношении гораздо важнее то, что обе группы русскоязычных являются выходцами из общего культурного пространства.

2. Исходная база рассуждений. Теоретические основы исследования

Случай бывшего Советского Союза (далее БСС), подразумевавший стремление к построению идентичности советского человека, которая должна была возникнуть вместо (или «поверх») этнических, региональ-

ных и других идентичностей, предполагал построение особого символического смыслового мира (по Щюцу), который и был воспроизведен в условиях БСС. Это явилось причиной возникновения *общего культурного поля*, в рамках которого происходила социализация индивидов, относящихся к разным этническим группам. По этой причине для русскоязычных групп в Германии наиболее актуальной является не этническая, а культурная идентичность, несмотря на то, что в Германию они приехали именно как представители «своих» этнических групп. В связи с этим я предпочитаю говорить не об этнических идентичностях *советских людей*, социализация которых проходила в условиях БСС, а об их объединяющей «суперидентичности» на основе советской русскоязычной культуры.

Что позволяет применить здесь термин «советская русскоязычная культура»? В данном случае используется подход Александра Томаса, понимающего культуру как систему поведенческих ориентаций (Thomas 1993). По мнению автора, «культура — это универсальная и в то же время очень типичная система ориентаций для общества, организации и группы. Эта система ориентаций образуется из специфических символов и передается в обществе из поколения в поколение. Она оказывает влияние на образ мыслей, ценностные установки и действия членов этого общества и тем самым определяет их принадлежность к данному обществу. Культура как система ориентаций структурирует поле деятельности индивидов, ощущающих свою принадлежность к данному обществу, и создает предпосылки для развития самостоятельных форм взаимодействия с окружающей средой» (Thomas 1993: 380).

Для изучения русскоязычных групп в Германии в качестве отправной точки рассуждения было взято понятие «культурной идентичности» с опорой на подход Яна Ассманна (Assmann 1988). Согласно этому подходу, какой-либо (определенной) коллективной идентичности соответствует определенная культура (или, по Яну Ассманну, культурная формация), которая ее обосновывает и, что самое главное, воспроизводит ее. В нашем случае — это советская русскоязычная культура.

Ян Ассманн полагает, что коллективная идентичность строится и воспроизводится посредством интеракций, возникающих в рамках *культурного смысла*, под которым понимается запас совместных ценностей, опыта, ожиданий и толкований, образующих «символический смысловой мир», или «картину мира» того или иного общества (Assmann 2007: 140).

Одним из наиболее важных аспектов культурной идентичности является «культурная память». Ян Ассманн определяет «культурную память» как совокупную для каждого общества и эпохи особенную стабильность повторного употребления текстов, образов и обычаев, под-

держивая которые, они (общества) стабилизируют свой собственный образ и передают коллективно разделенное знание предпочтительно (но не исключительно) о прошлом, и это знание поддерживает сознание единства и особенности группы (Assmann 1988: 15). Архивы и коммуникация (ритуалы, письменные источники, песни, музеи и т. д.) выступают не как нейтральные носители или средства передачи информации, но действуют как дающие форму и смысловой стержень и тем самым существенно определяют культурную память группы или общества. Таким образом, культурная память конституирует историю группы и традиции в отношении актуальных потребностей и жизненных обстоятельств группы.

Я исхожу из того, что культурная память русскоязычных групп в Германии (и в других странах) базируется на советском культурном опыте, включающем определенное отношение к реальным или вымышленным историческим событиям, личностям, группам. Этот опыт был усвоен в БСС в процессе социализации непосредственно самими акторами, выходцами из БСС, и был передан (безусловно, с определенными изменениями и потерями) более молодым участникам русскоязычного пространства. Таким образом, я полагаю, что русскоязычные группы все еще имеют единую *культуру исхода*, несмотря на то, что (после распада СССР) прибыли из разных *стран исхода*. Поэтому и предполагается, что этническая или гражданская принадлежность участников русскоязычного пространства вообще может уходить на второй (а то и на третий) план, в то время как ощущение общего прошлого, общих «героев» и символов выдвигается на первый план.

В данной статье основное внимание уделяется культурной памяти, при исследовании которой учитывались следующие аспекты: актуальное восприятие респондентами бывшего Советского Союза; предпочтения в выборе общих героев прошлого и настоящего, преобладающие в группах «русских немцев» и «русских евреев»; сохранение праздников и ритуалов, принятых в данных группах русскоязычных мигрантов.

3. Восприятие СССР

Все респонденты имели значительный опыт жизни в советском обществе, поэтому предполагалось, что все они обладают четким представлением об СССР, его общественном строе, а также эмоционально окрашенным отношением к стране, которая уже распалась. Несмотря на то, что респонденты прибыли уже из новых государственных образований, бывший Советский Союз может по-прежнему рассматриваться как «страна исхода». Я предполагал, что сам факт наличия устойчивых представлений о нормах бывшего советского общества, независимо от их оценки, является важным идентификационным маркером группы,

имеющей единую «тропинку в прошлое». В связи с этим интерес представляли первичные воспоминания респондентов о БСС на любую тему и его оценки, выраженные в любой форме.

3.1. Случай немецких переселенцев

Для подавляющего большинства группы «русских немцев» воспоминания о БСС не сопровождаются негативными переживаниями. Все имеющиеся высказывания респондентов можно разместить в континууме между нейтральным и позитивным отношением к опыту жизни в БСС. Более того, преобладают позитивные мнения, причем представлена тенденция к тому, чтобы распад СССР считать основной причиной переезда: *«С СССР связано много прекрасного. Когда был Советский Союз, все люди были вместе, все помогали друг другу. Не было проблем с работой. Навалом было работы. И люди какую хотели, такую себе брали и не боялись. Не так, как мы. Зацепился за эту работу и сидишь, что дай Бог работать, работать и работать. А тогда же было... И наши родители жили, и хотя зарплаты были небольшие, но тем не менее, жили и никто никуда не собирался ехать. И думать не думали. И мы не думали, что мы когда-то попадем в Германию. Если бы остался СССР, и все было бы так, как было раньше, мы бы, наверное, никуда не поехали»* (ж., 48).

Приведенное мнение очень характерно для группы «русских немцев». При этом респонденты очень редко упоминают дискриминацию собственной группы по этническому признаку в Советском Союзе. Политическая система СССР и советская идеология остаются за рамками активного воспоминания респондентов. В воспоминаниях о БСС центральное место занимают не политические предпочтения или общественный строй, а хорошие воспоминания о конкретных людях, с которыми контактировали респонденты. Немаловажно и то, что советскую повседневную культуру позднего социализма можно отнести к культурам с «низким уровнем избегания неопределенности» (Hofstede 1997). В этих условиях, известных как эпоха застоя, проходило общественное становление респондентов. Поэтому ими подчеркивается высокая стабильность и предсказуемость советского общества той эпохи, в отличие от советского общества времен перестройки или современного. Именно отсутствие неопределенности в условиях позднего СССР и горизонтальные (устойчивые) межличностные отношения рассматривается респондентами как ценность: *«В СССР порядок был и какая-то радость. Вот уверенность какая-то была. Это когда мы молодые были. А потом уже беспредел начался. Перестройка — это уже серость и бесцветность такая. Безысходность»* (ж., 59).

Действительно, советское общество отличалось высоким уровнем стабильности, особенно на низовых звеньях. Проблема принятия ос-

новых решений замыкалась на правящей верхушке и «вниз» спускались лишь указания к действиям. Это порождало ощущение предсказуемости и чувство, что «за тебя думают». В сегодняшней ситуации, когда в основном приходится самим принимать решения, люди чувствуют себя дискомфортно. На этом фоне СССР в воспоминаниях респондентов выглядит как «оазис устойчивости и предсказуемости».

В целом группа «русских немцев» характеризуется высоким уровнем устойчивых и позитивных воспоминаний о БСС. Интересным фактом является то, что БСС не связывается респондентами *напрямую* с политической системой и дискриминационными ограничениями на основе этнической принадлежности, которые они сами, а в особенности, их родители и предыдущие поколения, испытывали в БСС. При этом респонденты хорошо информированы об истории своих семей и «своей» этнической группы, как и о причинах приема «русских немцев» правительством Германии. Тем не менее, это не накладывает никакого отпечатка на коллективное позитивное воспоминание о Советском Союзе.

3.2. Случай контингентных беженцев

В группе «русских евреев» воспоминания о БСС в большинстве случаев также вызывают у респондентов положительные эмоции. Отрицательные моменты, если и упоминаются, то им не придается большого значения. На передний план в воспоминаниях выходят личные события в жизни респондентов и воображаемое единство большой страны. Распавшаяся страна начинает рассматриваться как миф, как место, куда возвращение невозможно. Большое значение придается ощущению большого пространства и потери связи с этим пространством: *«Я думаю, что большинство жалеют о том, что СССР распался. Когда был СССР, было ощущение очень большой страны. И патриотизм все-таки существовал. Мы ощущали, что живем в мощной, сильной стране. Да, там много непорядка, все такое.... Но вот эта причастность давала большинству людей какую-то гордость»* (м., 50). Негативное восприятие БСС выражается крайне редко. В этом случае акцент ставится на политическом режиме и общественном устройстве Советского Союза. По мнению части респондентов, общественные отношения в БСС серьезно повлияли на их жизнь. Здесь тоже имеет место яркая эмоциональная реакция, но уже негативная: *«Я ненавижу советскую власть. Вот что плохо, так это всегда уравниловка. Я проработал там 45 лет и ничего не имею. Если бы я также трудился в Германии, то было бы по-другому. А я работал с 15 лет. Нет памяти у меня хорошей. К сожалению. Хотя я бы хотел иметь. Мне жалко тех людей, которые там остались»* (м., 64).

Следует подчеркнуть, что столь яркое неприятие БСС совершенно не типично для группы «русских евреев». В большинстве случаев рес-

понденты позитивно оценивают БСС и свое советское прошлое и часто жалеют о распаде Советского Союза. Причем часть респондентов полагает, что как в современной России, так и в Германии в средствах массовой информации проводится кампания по дискредитации советского прошлого, о чем они сожалеют и пытаются высказывать противоположную точку зрения. Интересно, что многие указывают на существование в БСС такого образования, как советский народ: *«Да, в СССР было много плохого. Но если отсеять плохое от хорошего, то у меня создается сейчас такое впечатление, что вот эта общность — СССР, это была хорошая вещь. Вот самое главное, был советский народ. Это было здорово. Другое дело, что там были всегда некие уклоны, но лично у меня осталось хорошее впечатление о Союзе»* (м., 73). Также можно видеть тенденцию к оценке БСС как периода стабильных и предсказуемых общественных отношений. Под этим углом зрения эмиграция в Германию начинает рассматриваться респондентами уже не как желание уехать из несвободной страны или стремление избежать дискриминации по этническому признаку, а наоборот, как следствие распада СССР: *«В принципе в СССР было хорошо. Вот если бы у нас было право выезжать из СССР в начале 80-х, я бы, наверное, никуда бы не поехал. А вот с момента перестройки, когда надежность пропала, пошла полная неразбериха, мы стали думать об эмиграции. А СССР — это было что-то большое и крепкое»* (м., 54).

В группе «русских евреев» хорошо прослеживаются две основные линии воспоминаний о БСС. Первая касается оценки БСС как определенного политического образования. Если респонденты развивают данную тему, то воспоминания принимают негативную эмоциональную окраску. В этом случае акцент ставится на преступных основаниях возникновения БСС и системе государственного террора, существовавшей в раннем СССР. В другой, более мягкой форме респонденты указывают лишь на «несовершенство» советской системы более позднего периода. Примечательно, что во всех случаях негативного восприятия БСС респондентами вообще никак не упоминалась дискриминация тех или иных этнических групп, в частности, евреев или немцев. По-видимому, даже при негативном воспоминании о БСС у респондентов актуализируется не этническая идентичность, не восприятие себя как члена какой-либо этнической группы, а в первую очередь гражданская и культурная идентичности. То есть люди воспринимают себя как часть большого государства, даже если считают его преступным. Если респонденты следуют второй линии воспоминания о БСС, то обычно говорят о последнем этапе существования СССР и начале перестройки. В этом случае политическое устройство БСС и общественные отношения обычно остаются за рамками воспоминания респондентов либо уходят на второй план. Главным считается предсказуемость ситуации и возмож-

ность построения горизонтальных личностных отношений, позволяющих решать повседневные проблемы. Такая линия воспоминаний о БСС доминирует как среди «русских евреев», так и «русских немцев». Это позволяет предположить, что воспоминания о БСС в подавляющем большинстве случаев никак не связываются с политическим устройством БСС. Более того, трудности жизни в БСС, о которых упоминают респонденты в ходе интервью, при обсуждении БСС уходят на второй план или даже «забываются». Несмотря на то, что родители «русских немцев» были подвергнуты депортации и поражены в правах и респонденты это хорошо знают из своих семейных историй, подобные аспекты не связываются респондентами с жизнью в СССР. Также забываются и негативные эмоции, связанные с дискриминацией обеих групп по этническому признаку, которая в БСС не только тормозила их карьерный рост, но и могла стать причиной социальной изоляции. То есть БСС не воспринимается ими как «империя зла», из которой им хотелось вырваться.

Таким образом, воспоминания респондентов об СССР *связываются не с политической системой этой страны, а с личностными горизонтальными отношениями респондентов на уровне первичных групп (семьи-друзей-коллег)*. Политическая сторона проблемы вообще кажется мало интересной для обеих групп русскоязычных. Во главу угла ставится потеря межличностных отношений, а также самой возможности их построения на прежней основе. Примечательно, что роль этнической идентичности при построении горизонтальных отношений в условиях принимающей культуры оценивается респондентами не столь высоко, как ожидалось. Более того, в обеих группах, особенно в группе «русских евреев», выражена тенденция к акцентированию общих (интернациональных) советских культурных ценностей, существовавших в условиях БСС, и инструментальное использование «чисто» этнических характеристик своей идентичности. По-видимому, это связано с тем, что в обеих русскоязычных группах культурная идентичность (советской культуры) доминирует над этнической идентичностью, которая в глобальном контексте эмиграции рассматривается как менее значимая. В то же время это совсем не значит, что «русские немцы» и «русские евреи» являются сторонниками политического режима БСС, желают его восстановления и готовы к определенным политическим действиям. Однако значимая позитивная идентификация обеих русскоязычных групп с несуществующей страной заставляет предположить наличие устойчивых элементов культурной идентичности «советского человека». Эти элементы не исчезли по мере проживания в Германии и более значимы для респондентов, чем этнические характеристики.

4. «Герои»

Выражение симпатии к тем или иным политическим, общественным и другим известным фигурам настоящего и прошлого должно было показать ориентацию респондентов на ценности, носителями которых является (являлся) тот или иной «герой». Также было важно выявить глубину значимых воспоминаний и определить круг предпочтений респондентов при выборе между «актуальными героями» и «героями прошлого» — как сравнительно недавнего, так и весьма далекого.

Например, если в ряду личностей, которым симпатизировал респондент, назывались Александр Невский или Иосиф Сталин, Петр Первый или Андрей Сахаров и т. д., то предполагалось, что респондент в той или иной степени придерживается или разделяет идеи и ценности, которые принадлежат (приписываются) этому человеку, и идентифицирует себя с группой сторонников данного «героя».

Таким образом, «герои» рассматривались мной как идентификационный маркер, который позволял выявить тенденцию «примыкания» респондентов к той или иной общественной группе. Вопрос ставился в открытой форме и касался *известных фигур настоящего и прошлого* в БСС (России) и Германии. Респондент мог выбрать не только политиков или общественных деятелей, но и спортсменов, журналистов, писателей, ученых и т. д. Критерии выбора также никак не задавались, поэтому «герои» могли быть выбраны по любому удобному для респондентов критерию, например, по принадлежности к политической партии, по этническому, гендерному, классовому и др. критериям или по каким-то личностным качествам.

4.1. *Случай немецких переселенцев*

В группе «русских немцев» доминируют «герои» из культурного пространства БСС времен существования Советского Союза. Также активно упоминаются фигуры постсоветского времени из того же культурного пространства. Лишь незначительное количество респондентов упомянуло имена известных личностей из культурного пространства Германии. В основном, выражена тенденция к выделению действующих «актуальных героев» сегодняшнего дня. В некоторых случаях вопрос вызвал затруднение, и респонденты не смогли дать на него ответ. Чаще всего в качестве известного человека, вызывающего симпатию, упоминался Владимир Путин: *«Вот кто мне симпатизирует — это Путин. Хотя я и в него не верю. Потому что было столько всяких! Но мы горды хотя бы и тем, что во главе государства есть нормальный человек. Как глава государства. На него можно посмотреть нормально. Хоть он говорит нормальным языком»* (ж., 70). Респонденты вообще отдавали предпочте-

ние публичным политикам высшего государственного уровня. На постсоветском поле в этом ряду были представлены Нурсултан Назарбаев и Владимир Путин, причем тенденция к упоминанию последнего четко прослеживается во всей группе «русских немцев». Среди немецких политиков часто назывались Ангела Меркель и Герхард Шредер. Гораздо реже упоминался Эдмунд Штойбер.

Среди «вчерашних героев» выделяются политические и общественные лидеры времен существования позднего СССР и перестроечного периода. В качестве «вчерашних героев» респонденты отметили несколько личностей, вызывающих симпатию. Небольшое предпочтение перед остальными известными персонами «русские немцы» отдают Михаилу Горбачеву. Кроме первого Президента СССР внимание респондентов привлекают Андрей Сахаров, Влад Листьев и Виктор Шендерович. Среди известных немцев в Германии в ряду «вчерашних героев» респонденты выделяют только Гельмута Коля.

Интересно, что все отмеченные «герои прошлого» так или иначе связаны с перестройкой и эпохой перемен в БСС и в Восточной Европе. Все «герои», как относящиеся к настоящему, так и к прошлому, являются либо значительными фигурами глобального политического поля, либо общественными деятелями, журналистами, непосредственно влияющими на формирование общественного мнения. Можно предположить, что выбор респондентами наиболее часто упоминаемых «героев» происходил в большей степени под влиянием средств массовой информации, чем на основе собственных знаний.

4.2. Случай контингентных беженцев

Респонденты группы контингентных беженцев, как и «русские немцы», чаще упоминают актуальных «героев» сегодняшнего периода, нежели «героев вчерашнего дня». Однако в отличие от группы «русских немцев», контингентные беженцы выделяют группу актуальных «антигероев», т.е. тех личностей, которые вызывают антипатию респондентов. Примечательно, что вопрос в такой форме респондентам не задавался, однако контингентные беженцы четко обозначили такую группу. К разряду «антигероев» постсоветского пространства контингентные беженцы относят Виктора Ющенко, Юлию Тимошенко и Александра Лукашенко. В качестве актуальных «героев» пространства БСС представлены Владимир Путин, Михаил Ходорковский, Михаил Швыдкой, Анатолий Чубайс, Егор Гайдар, Григорий Явлинский, Владимир Жириновский. Тенденция к выделению демократов первой волны — Анатолия Чубайса, Егора Гайдара, Григория Явлинского — очень заметна в группе, хотя наибольшие симпатии «русских евреев» на стороне либо Михаила Ходорковского, либо Владимира Путина (интересно, что сто-

ронниками Михаила Ходорковского он воспринимается уже как «антигерой»). Среди немецких «героев» сегодняшнего дня представлены исключительно политические деятели, а доминируют Ангела Меркель и Герхард Шредер. Также упоминаются Кристиан Уде и Оскар Лафонтен: *«К Путину я с большим уважением отношусь. Единственный Президент, который говорит сам, своим умом. У меня даже гордость появилась за Россию. После того, как 70 лет сидели у власти бандиты, рабочий класс. А сейчас я горда за Россию, что появился такой Президент. А в Германии мне нравится Шредер. Потому что он очень симпатичный человек, он открытый. И считаю, что политику вел правильную. Вот, обратите внимание, во всех странах терроризм, а в Германии нет. Это потому что он гибкую политику вел»* (ж., 55).

«Герои вчерашнего дня» в группе контингентных беженцев представлены в меньшей степени, чем «актуальные герои». Чаще других упоминается Михаил Горбачев. Также группа «русских евреев» симпатизирует Леониду Кучме и Александру Бовину. Немецкие «герои вчерашнего дня» в этом ряду вообще никак не представлены.

Среди значимых «героев» чаще всего упоминаются действующие политики международного масштаба, которые постоянно представлены в средствах массовой информации. Единственный случай, когда в группе «русских евреев» выделяется политик местного уровня, это упоминание бургомистра Мюнхена Кристиана Уде. Следует отметить, что это не типично для «русских евреев», которые, видимо, еще слабо знакомы как с содержательными аспектами общественного дискурса Германии, так и с «героями» принимающей культуры. Поэтому в качестве ориентиров называются только политики, представленные на телевидении, и упоминание Кристиана Уде является исключением. Видимо, по этой причине в группе контингентных беженцев чаще всего выделяются «герои» из культурного пространства БСС недавнего прошлого, на которых и ориентируется группа. В частности, «русские евреи» разделились в своем отношении к Владимиру Путину только в зависимости от их отношения к другому актуальному «герою» — Михаилу Ходорковскому: *«Я была шокирована отношением Путина к Ходорковскому. Отношение к Ходорковскому подорвало его имидж на Западе. Во всем нормальном мире»* (ж., 65). Подобная поляризация мнений в группе на основании отношения к немецким «героям» вряд ли возможна. В частности, дихотомия «Шредер — Меркель» как представителей разных политических партий, особенно остро проявившаяся в немецком обществе в период выборов, в среде контингентных беженцев вообще никак не представлена.

Можно предположить, что группы «русских евреев» и «русских немцев» по-прежнему ориентируются на «собственных героев» поздне-

советского и постсоветского периодов, даже в том случае, если эти фигуры менее актуальны в их нынешнем положении, чем немецкие «герои». Интересно, что респонденты выбирали героев в основном из круга политических персонажей, активно представленных средствами массовой информации. Так, за рамками выбора остались известные спортсмены, писатели, ученые, музыканты. Во многих случаях основным критерием выбора являлась известность «героя», сформированная СМИ. Такие критерии, как этническая или религиозная принадлежность «героев», в группах русскоязычных не играли существенной роли.

В обеих русскоязычных группах «актуальные герои» представлены в большей степени, нежели «герои» недавнего прошлого. Причем «герои» недавнего прошлого незначительно отдалены во времени от актуальных «героев». Максимальная временная отнесенность деятельности некоторых «вчерашних героев» ограничивается началом 1980-х гг. Наиболее часто упоминаемые «герои» относятся к позднему периоду существования СССР во времена перестройки, а также к настоящему времени. «Глубина активного исторического проникновения» респондентов оказалась крайне не высока и ограничивается временными рамками 50–60 лет. Так, никто из респондентов даже не упомянул «героев» начала XX в., не говоря уже о «древних» героях. Это наводит на мысль, что актуальные *активные* воспоминания обеих групп русскоязычных об известных личностях не выходят за рамки одного-двух поколений.

5. Праздники и ритуалы

При изучении праздников и ритуалов важно было выявить склонность респондентов к сохранению или забыванию (изменению) тех или иных значимых для группы событий и знаменательных дат в жизни ее членов, которые существовали до эмиграции, еще в БССР и ныне независимых странах, а также связанных с этими дат. Предполагалось, что высокая значимость тех или иных праздников, приверженность и соблюдение членами группы определенных ритуалов, связанных с такими датами, будет свидетельствовать об идентификации членов группы с культурой исхода и стремлению к сохранению «исходных» культурных ценностей и идентичности. Респондентам предлагался открытый вопрос о том, какие они отмечают праздники. После этого спрашивалось, отмечают ли они какие-либо праздники, которые ранее праздновались в стране исхода. И если респондент не говорил об этом ранее, задавался вопрос о праздновании советских дат, среди которых обязательно упоминались 7 ноября, 1 мая, 9 мая, 23 февраля и 8 марта. Значение придавалось не только ритуальным формам празднования, но и памяти респондентов об этих датах.

5.1. Случай немецких переселенцев

Наиболее популярным праздником, который постоянно отмечается всеми респондентами, остается Новый год. Подавляющая часть группы «русских немцев» отмечает религиозные праздники — правда, среди них упоминаются только Рождество и Пасха. Выражена тенденция к тому, чтобы праздновать и католическое (евангелическое) Рождество 25 декабря, и православное 7 января. В случае Пасхи речь также чаще всего идет об обеих (православной и католической) Пасхах: *«Новый Год празднуем. Немецкие праздники тоже празднуем. Мой ребенок уже зависим от немецких праздников. Они в школе готовятся к ним. То же Рождество, та же Пасха. [Вы какую Пасху празднуете, немецкую, русскую?] А получается, что и ту, и ту. Хотя немецкая Пасха — она для меня ничего не значит. Для меня больше русская имеет значение»* (ж., 43).

Из советских праздников отмечаются почти все. Из этого ряда выпадает только 7 ноября, все остальные в разной степени представлены в группе «русских немцев». Такие праздники, как 23 февраля и 8 марта, нередко упоминаются вместе и рассматриваются соответственно как «мужской» и «женский» дни, причем в воспоминаниях респондентов обоего пола предпочтение отдается «женскому» дню. 1 мая также фигурирует в качестве праздника, о котором помнит заметная часть респондентов. Однако идеологическая составляющая этого, как и других праздников, вряд ли принимается во внимание в группе «русских немцев». Для всех респондентов, упомянувших 1 мая, этот день является поводом для того, чтобы собраться в кругу друзей: *«В России праздновали 1 мая, но так, чисто формально. А здесь это тоже не актуально. Для нас 1 мая — это повод собраться»* (ж., 45).

Наиболее интересной оказалась реакция респондентов относительно праздника 9 мая. Предполагалось, что 9 мая будет упоминаться чаще остальных советских праздников. Во-первых, во времена БСС это был едва ли не единственный из официальных праздников, идея которого одобрялись почти всеми слоями жителей БСС. По исследованиям Юрия Левады (по общероссийской выборке) победой гордятся почти 90 % опрошенных, а стыдятся поражений всего 16 % (Левада 2006: 66–67). По этой причине и в сегодняшней России этот праздник рассматривается как один из инструментов для построения уже новой российской идентичности, что хорошо чувствуется в среде нынешних эмигрантов. Во-вторых, опрос проводился в 60-летнюю годовщину праздника Победы. Поэтому плотность информации по этой теме как в российских, так и в немецких СМИ была несколько выше, чем обычно. В этой связи интересно было отметить слабую тенденцию к упоминанию этого праздника в группе «русских немцев». Интересно и то, что в ряде случаев респонденты отдавали предпочтение другим советским праздникам.

Для той части группы «русских немцев», которые отмечают 9 Мая, характерно преобладание содержательной идеи праздника. Если в случае 23 февраля, 8 марта или 1 мая можно видеть формальный повод для респондентов собраться в кругу друзей или семьи для отдыха, то праздник 9 мая обычно нагружен эмоционально и идеологически. Иногда респонденты обращают внимание на различие трактовок событий 60-летней давности в БСС, России и в немецком обществе. Другая часть респондентов отметила, что данный праздник здесь не актуален, и они ими никак не празднуются.

В целом в группе «русских немцев» можно видеть тенденцию к сохранению значительной доли советских праздников, хотя и с постепенным выхолащиванием их идеологического содержания. Их место постепенно начинают занимать некоторые светские немецкие праздники и религиозные праздники культуры исхода и принимающей культуры. Причем содержательная сторона религиозных праздников не играет первостепенной роли. Например, участие в православных (или католических) праздниках может происходить и в тех случаях, когда респондент не только не идентифицирует себя с православием (католицизмом), а вообще является атеистом. Интересно, что для группы «русских немцев» характерно сочетание немецких и русских религиозных праздников. К ним добавляются не теряющие актуальности атеистические советские праздники. На основе такой «смеси» функционирует текущий календарь праздников группы, сохраняющий те или иные даты и события в коллективной памяти «русских немцев».

5.2. Случай контингентных беженцев

В группе «русских евреев» представлены все основные советские праздники, причем респонденты отмечают в основном их, и в меньшей степени — наиболее значимые даты принимающей культуры. В этом случае речь обычно идет о католическом (евангелическом) Рождестве и Октоберфесте. Примечательно, что из религиозных праздников назывались как православная, так и еврейская Пасхи. Некоторые респонденты отмечали, что они уже здесь, в Германии, пытаются приобщиться к еврейским праздникам. Однако данная тенденция выражена слабо: *«Мы Новый год празднуем, наши семейные праздники. Вот эти еврейские “фесты” мы раньше никогда не праздновали. Ну, а теперь я пытаюсь. Я приглашаю моих детей, делаю фаршированную рыбу. То есть какие-то еврейские праздники я начала делать. Тем более, что община обычно приглашает нас на эти еврейские праздники. В общем, пытаюсь какие-то еврейские традиции соблюдать. [Советские праздники, которые остались из Союза, вы еще празднуете?] Ну, такие, как 1 мая, 7 ноября, конечно нет. На 8 марта сын меня поздравляет. Приносит цветы. По старой на-*

мяти. Но это мало кто помнит. Большинство, по-моему, уже не помнят. Вот 9 мая еще чувствуется» (ж., 64).

Действительно, значительная часть группы контингентных беженцев считает 9 мая важным праздником и стремится его если не праздновать, то как-то отмечать. В некоторых случаях респонденты подчеркивали именно значимость этой даты как памятного события, а не как праздника. Следует отметить, что 9 мая едва ли не единственный праздник, который наиболее часто упоминается в группе «русских евреев» и является памятной датой во всей группе. Все остальные советские праздники также сохраняются, за исключением 7 ноября — главный советский праздник упоминался только один раз, в то время как остальные советские праздники представлены примерно в равной степени, с явным доминированием праздника Победы: *«Для меня все осталось. И 1 мая, и День победы, и 7 ноября... [И 7 ноября празднуете?] Да! Я далек от того, чтобы называть Октябрьскую революцию октябрьским переворотом. Это была революция! Я не дам всей этой пропаганде повесить себе лапшу на уши. Мы даже 8 марта здесь празднуем!» (м., 72).*

Таким образом, группы «русских немцев» и «русских евреев» продолжают сохранять советские праздники, постепенно теряя содержательные аспекты некоторых из них. При этом можно видеть тенденцию к укоренению немецких светских и религиозных праздников. Следует, правда, отметить, что католическое Рождество воспринимается в группе «русских евреев» скорее как светский праздник и обычно упоминается в одном ряду с Октоберфестом. Поэтому можно предположить, что для «русских евреев» католическое Рождество лишено религиозного содержания. Также интересным фактом является упоминание респондентами православных и иудейских религиозных праздников в одном ряду. Это наталкивает на мысль о том, что и в этом случае религиозное содержание отступает на задний план, т.к. ему не придается надлежащего значения. На фоне преобладания атеистических советских праздников это не представляется удивительным. Основное значение, которое придается в группе всем праздникам, находится исключительно в светской сфере события. Например, в группе «русских евреев» можно видеть совокупность сразу нескольких праздников из немецкой, еврейской, русской и советской культур, с видимым доминированием советских культурных праздников.

Примечательно, что никто из респондентов в обеих группах не отметил знаменательных дат своих стран исхода. В частности, такие официальные праздники, как День России, День республики Молдовы, дни независимости Украины, Казахстана, Беларуси, гражданами которых являются респонденты, никак не были выделены.

6. Выводы

Как показывают интервью, культурная память, воспроизводимая в таком виде, в каком мы ее наблюдаем в группах «русских немцев» и «русских евреев», инерционно поддерживает «старую» систему символов, возникшую в БСС. Однако эмоции, чувства, мысли, ассоциации, возникающие на основе воспоминания группы о БСС, еще о «тех» героях и «тех» праздниках, вряд ли представляют собой серьезную основу для реальной направленной деятельности русскоязычных групп по сохранению поведенческих образцов, принятых в БСС. Речь скорее идет о спонтанных попытках консервации культурной памяти путем создания элементов реальности, схожих в культурном отношении с теми, которые существовали в БСС. Например, «русские» дискотеки, газеты, клубы, магазины и т. д., в которых делается попытка воспроизвести советские элементы культурной реальности. Парадокс заключается в том, что одновременно с участием (иногда очень активном) в этом культурном пространстве с советскими элементами прослеживается тенденция к отстранению от него: *«Обслуживание в русских магазинах такое, что лучше бы не позорили. И пиво там “Очаково” какое-то странное. Ну, явно, не из России привезенное. Консервы странные. Качество отвратительное. И упаковка... под некий советизм. В России такого уже не увидишь. В России таких продуктов, как в этих русских магазинах, уже давно не видно»* (м., 43).

Создается такое впечатление, что русскоязычные группы пытаются постоянно воспроизводить «старую» культурную реальность на основе культурной памяти не только для ее сохранения как некоей комфортной среды, но и в какой-то мере для использования ее как «отправного пункта», для отталкивания от нее в сторону актуальной культурной реальности принимающей страны. Таким образом, «старая» культурная реальность попеременно используется русскоязычными группами и как «точка отталкивания», и как «точка притяжения». Поэтому члены русскоязычных групп, даже не делая сознательного выбора, всегда вынуждены находиться в «определенных отношениях» со своей культурной памятью, поскольку именно последняя, особенно в условиях эмиграции, и формирует «старую» культурную реальность. То есть наличие культурной памяти навязывает русскоязычным группам следующее условие: либо прикладывать усилия к тому, чтобы сохранить культурные воспоминания в том виде, в котором они были усвоены в БСС, либо наоборот, стремиться забыть (точнее говоря, изменить) их. Актуальная культурная реальность не может навязывать русскоязычным, впрочем, как и всем остальным иммигрантам подобного условия, ввиду: а) незначительного, по сравнению с предыдущим, опыта новой культуры и б) невозможности одновременного существования двух сепарат-

ных видов культурной памяти в сознании индивидов. Причем второе условие является ключевым. Это значит, что все возможные опыты, приобретенные в рамках актуальной культурной реальности, не могут быть отнесены к «отдельной» (новой) культурной памяти без их соотнесения с предыдущим культурным опытом. Отсюда следует невозможность возникновения двух или более видов культурной памяти.

Это важно отметить, поскольку я исхожу из предположения, что на формирование актуальных идентичностей русскоязычных групп в Германии влияют два основных фактора: во-первых, культурная память, сформированная на основе культурной реальности БСС, и, во-вторых, современная культурная реальность принимающей страны. То есть речь идет о двух «точках влияния» на современную идентичность русскоязычных групп. Вопрос в том, какая из этих «точек» оказывает наибольшее влияние?

Отвечая на этот вопрос, необходимо обратить внимание на то, что мы имеем дело, с одной стороны, с *продуктом* (старой) культурной реальности, которым является культурная память, а с другой, с *самой* (актуальной) *культурной реальностью*. Культурная память, будучи продуктом культурной реальности БСС, рассматривается мной как конечный результат жизненных опытов индивидов, приобретенных в БСС. В основе этих опытов лежат события и факты, которые уже произошли и получили свою устойчивую интерпретацию, а также поведенческие образцы, которые были усвоены и не могут быть полностью забыты. Таким образом, мы имеем дело с неким набором «зафиксированных» интерпретаций событий, фактов и «правильных» поведенческих образцов, сформированных в рамках культурной реальности БСС, готовых для передачи следующему поколению.

Конечно, такая законсервированность культурной памяти не является абсолютной, поскольку подвергается воздействию актуальной культурной реальности и другим внешним воздействиям. Вследствие этого те или иные элементы культурной памяти трансформируются в сознании индивидов, что, однако, не приводит к ее значительным изменениям. Поэтому культурная память рассматривается мной как относительно стабильный элемент, формирующий актуальный образ собственной группы.

Актуальную культурную реальность, наоборот, я рассматриваю как текущий (непрерывный) и изменчивый процесс, в ходе которого индивиды постоянно присваивают новые знания о данной реальности, которые не имеют конечных рамок. Поэтому актуальная культурная реальность, в которой находятся русскоязычные группы, имеет несравненно больший вес в процессе формирования их новой идентичности по сравнению с воздействием культурной памяти. Именно актуальная культур-

ная реальность формирует дублирующую систему символов, которая впоследствии может стать доминирующей, вытеснив первоначальную символическую систему. В частности, уже сейчас можно видеть совмещение праздников советской и принимающей культур с тенденцией к забыванию советских дат или же выхолащиванию идей советских праздников. Очевидна тенденция к избежанию идеологической нагрузки, характерной для данных праздников, при частичном сохранении внешней формы их проведения. Отчасти это обусловлено отсутствием «живого образца» советской культурной реальности, продуктом которой является культурная память русскоязычных, но главное, отсутствием в среде русскоязычных групп интеллектуалов, стремящихся к сохранению советской культуры, заинтересованных в создании и консервации универсальной культурной памяти. Более того, следует подчеркнуть видимое доминирование актуальной культурной реальности в вопросе формирования новой идентичности русскоязычных групп. Но это не значит, что новая идентичность русскоязычных групп формируется исключительно под влиянием актуальной культурной реальности. Недавние граждане БСС конструируют свою новую идентичность, «собирая» различные смысловые значения, как из культурной памяти, так и из актуальной культурной реальности. Только в системе (советской) культурной идентичности, приобретенной в рамках БСС, опора происходит на культурную память, а в системе культурной идентичности принимающей страны опорой являются ее актуальные культурные элементы, которые не в одинаковой степени усваиваются членами групп русскоязычных. В настоящий период новая идентичность русскоязычных базируется на их культурной памяти, что и позволяет пока объединять выходцев из БСС в единую в культурном отношении группу. Пока что они еще обладают общим опытом жизни в БСС, общим языком, культурным воспоминанием, подпадают под похожие программы переселения и находятся в одинаковых условиях, которые им предлагает принимающая культура. Особенно это касается групп «русских немцев» и «русских евреев», которые в некотором роде оказываются «заложниками ситуации», порожденной вышеприведенными условиями. *Эта ситуация в определенном смысле универсальна*, касается всех «русских немцев» и «русских евреев», независимо от их личностных характеристик, уровня образования, пола, возраста, опыта эмиграции и т. д., и «ориентирует» их на выбор схожей идентичности. Характер этой схожести определяется общими элементами культурной памяти, которая является скрепляющим фактором. Но поскольку уже сейчас можно видеть тенденцию к «культурному забыванию» и фрагментации культурной памяти в группах «русских немцев» и «русских евреев», то в дальнейшем можно прогнозировать снижение влияния культурной памяти на фор-

мирование новых идентичностей и возрастание значения актуальной культурной реальности для новых идентичностей. Из этого следует предположение, что в ближайшем будущем в этих группах будет доминировать гибридная идентичность с тенденцией к усилению влияния в ней элементов актуальной реальности.

Литература

Левада Ю. Ищем человека. Социологические очерки, 2000-2005. М.: Новое издательство, 2006.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., РОССПЭН, 2004.

Assmann J. Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität // Assmann & Hölscher (Hg.). Kultur und Gedächtnis. Frankfurt am Main. Suhrkamp, 1988. S. 9–19.

Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in früheren Hochkulturen. Verlag C.H. Beck, 6. Auflage, München, 2007.

Hofstede G. Lokales Denken — globales Handeln. Kulturen, Zusammenarbeit und Management. München: Beck, 1997.

Thomas A. Psychologie interkulturellen Lernens und Handelns // Thomas Alexander (Hg.): Kulturvergleichende Psychologie. Göttingen, Hogrefe, 1993. S. 377–424.

Voutira E. Post-Soviet Diaspora Politics: The case of the Soviet Greeks // Journal of Modern Greek Studies. 2006. Vol. 24 Pp. 379–414.